

Adriana Mather

HOW TO HANG A WITCH

Адриана Мэзер

КАК
ПОВЕСИТЬ
ВЕДЬМУ

CLEVER

Сандре Мэзер,
без сомнений, моей самой любимой.

Джеймсу Берду,
окрашивающему любое мгновение
моей жизни в яркие цвета.

Клэр Мэзер,
верившей, что я стану
писательницей.

Глава 1

Слишком самоуверен

Как и у большинства острых на язык, упрямых нью-йоркцев, у меня имеется непреодолимая тяга к сарказму. Впрочем, в пятнадцать лет сложно убедить окружающих, что сарказм — это искусство, а не дурной тон. Особенно когда твоя мачеха совершенно не умеет водить — она ведь тоже из Нью-Йорка — и так маниакально долбит ногой по тормозам, что твой кофе выплескивается из стаканчика. Я стираю с подбородка брызги орехового латте:

— Конечно. Не переживай. Я обожаю пятна кофе на одежде.

Вивиян держит руку над клаксоном, словно приготовившаяся к атаке кошка:

— Твоя одежда и так вся в дырах. Кофе для нее не проблема.

Если на свете есть люди, которые никогда не попадают в неловкие ситуации — ни в общении, ни в жизни, — то это моя мачеха. В детстве я восхищалась ее способностью очаровывать людей. Возможно, думала, что когда-нибудь это передастся и мне... но вскоре отбросила глупые мысли. Идеальность Вивиян читается в каждом жесте — мне такой никогда не стать, — и ее бесят веганская куртка из экокожи и черные драные джинсы. В итоге теперь я развлекаюсь, надевая их на званные обеды. Надо находить плюсы в любой ситуации, правда?

— Проблема в другом: когда мне удастся увидеть отца? — говорю я, глядя в окно на проплывающие мимо обветшалые дома Новой Англии с их темными ставнями и маленькими смотровыми площадками на крышах.

Вивиан поджигает губы:

— Мы уже сотню раз это обсуждали. На этой неделе его перевезут в Центральную больницу штата Массачусетс.

— До которой от Салема час пути. — Этот аргумент я неизменно повторяю уже три недели — с тех самых пор, как узнала, что нам придется продать квартиру в Нью-Йорке. Квартиру, в которой я прожила всю свою жизнь.

— По-твоему, лучше было остаться в Нью-Йорке и бросить отца без денег на лечение? Мы понятия не имеем, сколько еще он пробудет в коме.

Три месяца, двадцать один день и десять часов. Столько уже длится кома.

Мы проезжаем ряд «магических» магазинчиков с витринами, украшенными метлами и связками трав.

— Здесь определенно обожают колдовство, — говорю я, игнорируя последний вопрос Вивиан.

— Это один из знаменитейших старинных городов Америки. Твои предки сыграли важную роль в его истории.

— Мои предки в семнадцатом веке вешали ведьм. Не совсем то, чем стоит гордиться.

Но если честно, меня разрывает от любопытства при мысли об этом городке, о его булыжных мостовых и зловеще чернеющих домах. Мы проезжаем полицейскую машину с нарисованной на дверце ведьмой. В детстве я всеми силами уговаривала отца съездить сюда, но он оставался непреклонен. Каждый раз повторял, что от Салема одни только беды, и закрывал тему. На папу не действуют никакие убеждения.

Прямо перед нами медленно плетется автобус с рекламной экскурсией по местам обитания призраков. Вивиан

рывком останавливается, но сразу же срывается с места, подбираясь вплотную к автобусу.

— Неплохая работенка, специально для тебя. — Она кивает в сторону рекламы.

Я выдавливаю улыбку:

— Я не верю в привидения.

Мы сворачиваем на Блэкберд-Лейн, улицу с обратного адреса бабушкиных открыток из моего детства.

— Что ж, в Салеме ты такая единственная.

Не сомневаюсь. Впервые за время диких американских горок, ошибочно названных поездкой на машине, мой желудок сжимается не от тошноты, а от приятного предвкушения. Дом номер 1131 по Блэкберд-Лейн, здесь отец провел все свое детство, здесь он познакомился с мамой. Это массивное белое двухэтажное здание с черными ставнями и колоннами на террасе. На крыше лежит деревянная черепица, облупившаяся от времени и соленого воздуха, а идеально подстриженную лужайку окружает кованая ограда с острыми пиками.

— То, что надо, — заявляет Вивиан, осматривая новый дом.

Красный кирпич подъездной дорожки от старости расшатался и вздыбился под давлением корней деревьев. Когда мы въезжаем в черные арочные ворота, серебристое спортивное авто Вивиан подсакивает на выбоине и резко останавливается.

— Здесь можно жить вдесятером и вовек друг с другом не столкнуться, — замечаю я.

— Я и говорю: то, что надо.

Собираю волосы в небрежный пучок на макушке и подхватываю тяжеленную сумку, стоящую в ногах. Вивиан уже выбралась из машины и звонко цокает каблучками по кирпичам, пробираясь к боковой двери, укрытой кованым козырьком. Я глубоко вздыхаю и распахиваю дверцу автомобиля. Но

спокойно рассмотреть свое новое жилище не получается — из сине-голубого домика по соседству выскакивает женщина и с энтузиазмом принимается махать нам рукой.

— Приве-е-е-ет! О, рада вас видеть! — говорит она, сверкая улыбкой и шагая по газону в нашу сторону. Осколом шире этого меня еще ни разу не награждали.

У соседки румяные щеки и белый фартук с рюшами, словно она сошла к нам напрямиком со страниц журнала для домохозяек 1950-х годов.

— Саманта! — просияв, восклицает она и хватается меня за подбородок, чтобы внимательно изучить лицо. — Вся в Чарли.

Ни разу не слышала, чтобы кто-нибудь звал папу сокращенным именем.

— Ох... Сэм. Все зовут меня Сэм.

— Глупости какие. Это мальчишеское имя. А ты такая красotka! Худовата, конечно, но... — Соседка делает шаг назад, оглядывая меня с головы до ног. — Но это мы исправим в кратчайшие сроки. — И она разражается звонким смехом.

Я улыбаюсь, хоть и не уверена, следует ли принимать эти слова за комплимент, — просто есть что-то заразительное в ее счастье. Соседка продолжает свой осмотр, и я смущенно скрещиваю руки на груди. Сумка спадает с плеча, всем весом потянув вперед. Я спотыкаюсь.

— Джексон! — кричит соседка в сторону своего голубого домишки, ни слова не сказав о моей неуклюжести. Я хватаю сумку за ремень, и тут из дома появляется парень лет семнадцати на вид. — Возьми у Саманты вещи.

Парень подходит ближе, песочные волосы падают ему на глаза. Ярко-голубые глаза. Уголок его рта слегка поднимается в полуулыбке, и я не могу отвести взгляда. *Я что, краснею? Боже, как стыдно!* Он тянется к сумке, неуклюже повисшей у меня на локте. Я закидываю ремень на плечо.

— Не нужно, все нормально.

— Это мой сын Джексон. Разве не очаровашка? — Она легонько похлопывает его по щеке.

— Мам, ну хватит, — протестующе мычит Джексон.

У меня эта картина вызывает улыбку.

— Так вы знакомы с моим отцом?

— Разумеется. И с твоей бабушкой. Последние годы я заботилась о ней и об особняке. В этом доме я знаю каждый уголок, — говорит соседка, подбоченившись.

К нам подходит хмурая Вивиан.

— Миссис Мэриверзер? Мы разговаривали с вами по телефону. — Она делает паузу. — Полагаю, ключи от дома у вас?

— Да, конечно. — Порывшись в кармане фартука, миссис Мэриверзер извлекает на свет связку ключей, которые от долгих лет использования кое-где протерлись до блеска, и кидает взгляд на часы. — Мне вот-вот доставать из духовки шоколадные круассаны. Джексон покажет вам...

— Нет, ничего страшного. Мы сами можем тут осмотреться.

В ответе Вивиан слышна категоричность. Она не доверяет излишне дружелюбным людям. Как-то раз она уволила швейцара, который просто угощал меня конфетами.

— Миссис Мэриверзер, — говорю я, — вы знаете, где была комната папы?

Соседка сияет от удовольствия.

— Ее уже подготовили для тебя. По лестнице наверх, затем налево и прямо до конца коридора. Джексон тебя проводит.

Вивиан отворачивается от миссис Мэриверзер, даже не попрощавшись. Мы идем к двери следом за ней. Когда заходим в дом, Джексон окидывает меня внимательным взглядом.

— Никогда раньше тебя здесь не видел.

— Я никогда раньше сюда и не приезжала.

— Даже когда бабушка была жива? — Он с тихим щелчком закрывает за нами дверь.

— Мы ни разу не встречались. — Странно это признавать.

В передней навалены коробки — личные вещи, перевезенные из Нью-Йорка. Узнав, что в этом доме уже есть мебель, Вивиан продала все тяжелое и громоздкое.

Мы проходим на свободное от коробок место. В передней бабушкиного дома глянцево-деревянный пол, кованная люстра и огромная лестница на второй этаж. Тонкие каблучки Вивиан уже цокают где-то в левом коридоре — этот звук всегда следует за ней словно тень. В детстве, прислушавшись, я могла отыскать ее по стуку каблуков, даже если зал полон женщин на шпильках. Не удивлюсь, если Вивиан даже спит в туфлях.

Я наконец осматриваю новый дом. На стенах висят картины в позолоченных рамах, между ними бра с лампочками в форме свечей. Все вокруг старинное, мебель сделана из темного дерева — полная противоположность нашей современной нью-йоркской квартиры. «Словно прямоком из сказок», — думаю я, рассматривая изогнутую лестницу, ее полированные деревянные перила и персидский ковер, укрывающий ступени.

— Сюда. — Джексоп кивает в сторону лестницы. Он забирает у меня сумку и первым идет наверх.

— Я и сама могла донести.

— Знаю. Но не хочется, чтобы ты упала. Лестницы опасней подъездных дорожек.

Значит, он все же видел, как я споткнулась.

Джексоп улыбается, заметив мое выражение лица. *Этот наглец слишком самоуверен.* Иду за ним, крепко держась за перила на случай, если неуклюжесть решит выйти на бис. На втором этаже Джексоп поворачивает налево. Мы

минуем спальню, где стоит кровать с балдахином — безумная мечта любой малолетки — и покрывалом винного цвета. Следом идет уборная с огромной ванной на когтистых лапах и зеркалом в позолоченной раме.

Он останавливается только в конце коридора, перед маленькой дверью, которой не помешал бы слой свежей краски. Ручка ее сделана в форме цветка с блестящими латунными лепестками. Это маргаритка? Я поворачиваю ручку, разошедшееся дерево двери потрескивает, когда та распахивается.

Сдержать вздох не получается.

— Нравится? — спрашивает Джексон. — Мама всю неделю готовила комнату для тебя, перетаскивала мебель и приводила ее в порядок.

Справа от меня стоят кровать из темного дерева — четыре ее столбика изукрашены резными цветами — и туалетный столик с таким же цветочным узором и мраморной столешницей, а рядом — изысканная прикроватная тумбочка со старой лампой из желтого стекла. Прямо передо мной старинный платяной шкаф. Обожаю такие! У кровати лежит маленький светлый коврик, чтобы ноги не мерзли холодными утрами. А рядом с окном стоит диванчик с белыми кружевными подушками, с которого открывается прекрасный вид во двор.

— Это просто офигенно! — говорю я.

Джексон смеется, лицо его пересекает одобрительная ухмылка. Я провожу пальцами по изысканному покрывалу цвета слоновой кости, трогаю пуховое одеяло. По сравнению с этими шикарными старинными вещами, спокойно стоящими на искривленных временем половицах, моя черная сумка выглядит слишком просто, нелепо. Не представляя, что еще можно сказать, я вытаскиваю блеск для губ и открываю колпачок. Это самый долгий разговор со сверстником за последние годы.

— Куда поставить? — Джексон снимает сумку с плеча.

— Давай сюда.

Протягиваю руку, собираясь перехватить ремень, но неправильно оцениваю движение Джексона и вместо того, чтобы легко забрать сумку, размазываю по его ладони блеск из открытого тюбика.

Парень замирает и улыбается.

— Розовый — не совсем мой цвет.

— Прости! — торопливо выпаливаю я. — Обычно я не нападаю на людей с блеском для губ.

Будто бы его вообще можно использовать вместо оружия! Что же я несу? Ничего умнее, чем вытереть блеск собственной ладонью, придумать не удастся, и я неловко привожу план в исполнение, на самом деле скорее размазывая блеск, чем стирая его. Ухмылка на лице Джексона становится шире. Он скидывает сумку на пол и берет с туалетного столика салфетку, потом перехватывает мою руку с жирным пятном клубничного блеска. Поворачивает ее к себе ладонью и легко вытирает салфеткой.

Сердце пускается вскачь. *Но блондины не в моем вкусе!*

— С ней ничего не будет, — говорю я. — В смысле, с рукой... от блеска с ней ничего не случится.

— Лучше не рисковать.

Его самоуверенность начинает меня напрягать. Нельзя забирать всю наглость себе, нужно делиться с остальным миром.

— Мало ли с чем ты решишь напасть на меня в следующий раз. — Он поднимает взгляд от ладони к моему лицу.

Я вырываю руку.

— Что? Да, конечно. То есть нет. То есть... не буду я тебя трогать.

Черт! Я правда это сказала?

— Увидимся завтра в школе. — Джексон кивает, едва сдерживаясь от смеха.

Не смей надо мной смеяться! Ты, весь такой загорелый и светловолосый, наверное, ни разу в жизни не чувствовал себя неловко. Так что замолкни! Джексон исчезает в длинном коридоре, освещенном маленькими фонариками, и впервые за время болезни отца я чувствую себя настоящей.

Глава 2

Приятная компания

За длинным обеденным столом мы с Вивиан в компании недавно доставленной еды смотримся комично. Здесь, свободно разложив под тарелками старомодные вязаные салфетки, поместилось бы человек восемь.

Я подхватываю ravioli из пластикового контейнера и предлагаю Вивиан. Она отрицательно качает головой. В нашей семье готовит отец, что неудивительно, ведь он импортирует специи. Вивиан хозяйничает на кухне редко, но если вдруг решается, то каждый раз делает мясную отбивную с картофелем. А я вегетарианка.

— Твой отец много рассказывал о детстве здесь, — говорит Вивиан.

— Не мне.

Он не хотел говорить о Салеме, особенно в последние годы, после смерти бабушки. Даже то, что этот дом до сих пор принадлежит нам, я узнала всего две недели назад.

— Полагаю, они с Мэриверзер давние друзья, — с легким осуждением продолжает Вивиан.

— Мне кажется, она милая. — Я откусываю кусочек чесночного хлеба.

Мачеха морщится:

— Приторно милая. Могу поспорить, она везде сует свой нос.

— Не знаю.